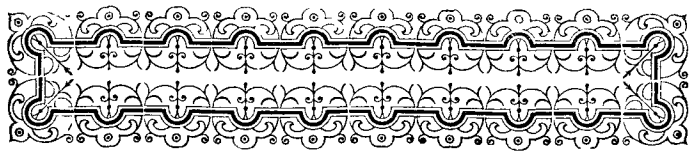

КОНТРОЛЕРЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

а большой узловой станціи Б* происходило обычное движеніе, какое всегда бываетъ во время слѣдованія пассажирскаго поѣзда. Въ залѣ третьяго класса толпилось много народа, а между тѣмъ около кассы было пусто; пассажиры подходили по одному, съ промежутками, покупали билеты и уходили. Но когда къ станціи подошелъ поѣздъ, то спустя 2—3 минуты около кассы почти моментально образовался длинный хвостъ. Это на первый взглядъ странное явленіе объяснится очень просто послѣдующимъ теченіемъ разсказа.

На станціонной платформѣ въ толпѣ, то тутъ, то тамъ, мелькала юркая фигура дежурнаго агента, въ красной фуражкѣ, а вдоль поѣзда важно расхаживалъ высокій, толстый мужчина, съ рыжими усами, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, въ кафтанѣ, обшитомъ блестящими позументами. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ изящный портфель, а правою игралъ серебряною цѣпочкою, на концѣ которой болтался металлическій свистокъ. Паровозъ, прицѣпленный къ поѣзду, стоялъ неподвижно, и только клубы дыма лѣниво выходили изъ его трубы.

— Юхановъ! окликнулъ дежурный агентъ мужчину въ кафтанѣ съ позументами.

— Что такое-съ?

— Я только-что узналъ: съ вами поѣдетъ новый контролеръ, Галкинъ, шопотомъ проговорилъ дежурный агентъ.

— Я это уже зналъ!

— Неужели!? удивился агентъ.—Ну, и что же, у васъ все „чисто“?

— Какъ стеклышко!

— Ни одного „зайца“?

— Ни одного!

— Это просто удивительно! Я постоянно говорилъ, что у насъ еще не было такого обера, какъ вы, да вѣроятно и не будетъ; ужъ никто не сумѣетъ такъ „работать“, какъ вы!

— То-то! проговорилъ оберъ-кондукторъ, и съ гордостью, нѣсколько покровительственно посмотрѣлъ на агента.

— Съ васъ бы слѣдовало на могорычъ, заискивающе сказалъ агентъ.

— За этимъ дѣло не станетъ!

Оберъ-кондукторъ вынулъ изъ туго набитого бумажника рублевку, которая незамѣтно исчезла въ карманѣ агента.

Для читателя, не посвященнаго въ тайны желѣзнодорожной жизни, этотъ кабалистическій разговоръ, вѣроятно, будетъ нѣсколько непонятенъ. Дѣло въ томъ, что на желѣзныхъ дорогахъ издавна въ широкихъ размѣрахъ практикуется провозъ безбилетныхъ пассажировъ, называемыхъ на желѣзнодорожномъ жаргонѣ „зайцами“. Такіе пассажиры платятъ, смотря по средствамъ и договору, не меньше половины и не больше трехъ

четвертей нарицательной стоимости проѣзда; деньги же поступаютъ не въ желѣзнодорожную кассу, а въ кондукторскій карманъ. Контингентъ „зайцевъ“ составляютъ преимущественно мелкіе торговцы, мастеровые, мужики, вообще народъ бѣдный, затѣмъ евреи, которыхъ кондукторы провозятъ особенно охотно, потому что они смѣтливѣе другихъ, и сами заботятся о томъ, чтобы не попасть въ руки контроля. Но бываютъ и люди состоятельные, даже богатые, которые предпочитаютъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ безъ билетовъ, и дѣлаютъ они это не по скупости, а оттого, что въ такихъ случаяхъ они пользуются гораздо большими преимуществами и льготами, нежели обыкновенные пассажиры съ билетами.

Провозъ безбилетныхъ пассажировъ, однако, не такъ простъ, какъ можетъ быть кажется на первый взглядъ. Для того, чтобы эти операціи проходили безнаказанно, оберъ-кондукторамъ приходится прибѣгать къ уловкамъ и разнообразнымъ приемамъ, примѣняясь къ характеру и привычкамъ контролеровъ. Главная задача кондукторовъ заключается въ томъ, чтобы впередъ знать, на какой станціи будетъ имѣть мѣсто контроль. Наиболее употребительный способъ для парализованія контроля состоитъ въ покупкѣ на соответствующей станціи билетовъ на небольшое разстояніе, и раздачѣ ихъ зайцамъ; это называется „очистить“ поѣздъ. Такіе оберъ-кондукторы, которые умѣютъ хорошо „работать“, то-есть ловко провозить зайцевъ и не попадаться, пользуются подобающимъ почетомъ среди кондукторской братіи и мелкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Оберъ-кондукторы, вообще, сами не входятъ въ сношенія съ пассажирами; вся черная работа предоставляется кондукторамъ, а оберъ только слѣдятъ, собираютъ нуж-

ныя свѣдѣнія, и дѣлають соотвѣтственные распоряженія. Многіе контролеры входятъ въ сдѣлки съ оберъ-кондукторами, и такимъ образомъ обезпечивають, какъ имъ, такъ и себѣ, систематическій и кругленькій доходъ.

Движеніе на дебаркадерѣ мало-по-малу стихало. Раздался третій звонокъ, затѣмъ рѣзкій, протяжный свистъ локомотива, и поѣздъ медленно тронулся въ путь. Оберъ-кондукторъ Юхановъ уже на ходу поѣзда ловко вскочилъ на заднюю площадку послѣдняго вагона. Тамъ находился худенькій, низкаго роста господинъ, весьма непримечательной наружности, въ синихъ очкахъ и ~~форменной~~ фуражкѣ съ малиновыми кантами и желѣзнодорожнымъ значкомъ.

— Имѣю честь кланяться, Іосифъ Евлампіевичъ! почтительно проговорилъ оберъ-кондукторъ, прикладывая руку къ фуражкѣ на военный манеръ.

— Здравствуйте! небрежно отозвался худенькій господинъ.

— Будете дѣлать контроль?

— Да!

Худенькій господинъ въ синихъ очкахъ вошелъ въ вагонъ, а за нимъ послѣдовалъ оберъ-кондукторъ Юхановъ. Это былъ, какъ читатель догадался, новый контролеръ. Іосифъ Евлампіевичъ Галкинъ. Онъ сталъ быстро переходить отъ пассажира къ пассажиру, небрежно прокалывалъ своими щипцами билеты, едва на нихъ взглядывая; нѣкоторыхъ пассажировъ, мѣшковавшихъ съ предъявленіемъ билета, онъ даже обходилъ, и круто поворачивался къ другимъ. Вообще, это дѣло онъ совершалъ быстро, нервно, съ необыкновенною подвижностью, какъ будто онъ былъ начиненъ ртутью.

По небрежности, съ какою онъ прокалывалъ билеты, и потомъ скорѣе ихъ бросалъ, нежели отдавалъ

обратно пассажирамъ, по той быстротѣ и подвижности, которую онъ проявлялъ въ каждомъ движеніи, можно было заключить, что ему было не до того, что все это онъ дѣлалъ нехотя, что ему было рѣшительно все равно, имѣеть-ли пассажиръ билетъ, или нѣтъ; что онъ совершалъ какую-то непріятную обязанность, отъ которой торопился отдѣлаться, чтобы затѣмъ заняться какимъ-нибудь другимъ, неизмѣримо болѣе важнымъ для него дѣломъ. Въ какія-нибудь десять минутъ онъ уже обошелъ всѣ вагоны, и потомъ усѣлся въ отдѣльномъ купе перваго класса, вынулъ изъ кармана газету и углубился въ чтеніе.

Когда на желѣзную дорогу опредѣляется новый агентъ, особенно высшаго ранга, то въ первое время своей службѣ онъ дѣлается, такъ-сказать, злобою дня. Вся его подноготная, въ болѣе или менѣе вѣроятныхъ версіяхъ, дѣлается достояніемъ мелкихъ служащихъ; но если бы кто-нибудь пожелалъ провѣрить циркулирующіе слухи или доискаться ихъ источниковъ, то потерпѣлъ бы полнѣйшую неудачу, и по этой-то, можетъ быть, причинѣ самыя противорѣчивыя версіи передаются за непреложныя истины. Гдѣ новоиспеченный агентъ служилъ раньше, по чьей протекціи онъ поступилъ, какимъ пользуется вліяніемъ, чего можно ожидать отъ него въ будущемъ?—вотъ вопросы, наиболѣе интересные, и около нихъ вертится молва. О Галкинѣ говорили тоже, и даже съ особенною настойчивостью, можетъ быть оттого, что контролерская должность вообще двусмысленна, а Галкинъ представлялъ собою выдающійся и нѣсколько загадочный экземпляръ. Говорили, что онъ крещеный еврей, служилъ на другой желѣзной дорогѣ, гдѣ приобрѣлъ репутацію искуснаго и неподкупнаго контролера; что администрація дороги,

о которой идетъ рѣчь, въ виду прогрессивнаго развитія провоза „зайцевъ“, пригласила его на особенно выгодныхъ условіяхъ. Говорили даже, что до своего официального опредѣленія на службу, онъ выговорилъ отъ общества значительную сумму для разъѣздовъ по линіи инкогнито, въ качествѣ обыкновеннаго пассажира, чтобы на мѣстѣ изучить способы, употребляемые кондукторами для своихъ „операций“. Словомъ, предвѣщали, что онъ будетъ грозою кондукторовъ, и что теперь для нихъ насталъ черный день.

Поѣздъ мчался съ быстротою призового коня, а Галкинъ сидѣлъ въ отдѣленіи перваго класса и преспокойно читалъ газету. По той небрежности, съ какою онъ только-что производилъ контроль, можно было заключить, что онъ вовсе не обладалъ качествами, которыя ему приписывались, а напротивъ, былъ самый заурядный контролеръ, и вдобавокъ тяготившійся своимъ дѣломъ; что ему не было никакого дѣла ни до „зайцевъ“, ни до кондукторовъ, и что чтеніе газеты составляло для него занятіе неизмѣримо важнѣе и пріятнѣе. На самомъ же дѣлѣ, все это было лишь кажущееся, все это онъ дѣлалъ не безъ намѣренія, и именно теперь-то онъ и задумалъ показать лицомъ свое искусство. Онъ уже зналъ, что Юхановъ слылъ за самаго богатаго оберъ-кондуктора и самаго отчаяннаго провожителя „зайцевъ“. Его-то Галкинъ и порѣшилъ накрыть перваго, чтобы произвести своимъ дебютомъ самый блистательный эффектъ, а можетъ быть и для своихъ, ему одному вѣдомыхъ, цѣлей.

Галкинъ и раньше отлично зналъ, что всѣ пассажиры будутъ съ билетами, и онъ дѣлалъ контроль только для формы, или вѣрнѣе — для того, чтобы направить Юханова на ложный путь. У многихъ пасса-

жировъ билеты были только на двѣ-три станціи. Какъ ни поспѣшно и небрежно Галкинъ контролировалъ поѣздъ, но это обстоятельство не ускользнуло отъ его вниманія, и онъ отлично зналъ, чему слѣдовало это приписать: это значило, что всѣ эти пассажиры запаслись дешевыми билетами только въ виду контроля, а дальше всѣ они поѣдутъ уже безъ билетовъ. Чтобы ихъ накрыть, приходилось внезапно нагрянуть на какой-нибудь станціи, когда поѣздъ пройдетъ уже нѣкоторое разстояніе. Но какъ это сдѣлать? Ѣхать дальше съ этимъ же поѣздомъ было невысказано, потому что въ такомъ случаѣ пассажиры будутъ на соответствующихъ станціяхъ запасаться билетами, и онъ не достигнетъ своей цѣли. У него уже былъ составленъ планъ, которому онъ и слѣдовалъ съ замѣчательною выдержкою.

Съ паровоза раздался протяжный свистъ: поѣздъ приближался къ станціи. Это была маленькая станція З*, гдѣ поѣздъ останавливался только на двѣ минуты. Галкинъ вышелъ изъ вагона и сталъ прохаживаться по платформѣ вдоль поѣзда. Платформа была пуста: никто не выходилъ, въ виду кратковременной остановки; только дежурный агентъ расписывался химическимъ карандашомъ на рапортѣ оберъ-кондуктора, переговариваясь съ нимъ шопотомъ, да сторожъ стоялъ у станціоннаго колокола и смотрѣлъ на агента, чтобы по его знаку дать отправленіе.

Кондукторы стояли у вагоновъ и бдительно слѣдили за каждымъ движеніемъ контролера, а каждое его движеніе какъ будто говорило: „поѣзжайте себѣ съ Богомъ дальше, а я здѣсь останусь; мнѣ до васъ нѣтъ ровно никакого дѣла“. Раздался опять звонокъ и свистъ локомотива, а контролеръ не входилъ въ ва-

гонъ; поѣздъ уже тронулся, а онъ продолжалъ ходить; поѣздъ уже скрылся изъ виду, а онъ остался на станціи.

II.

Около трехъ часовъ спустя, когда поѣздъ проѣхалъ уже порядочное разстояніе, въ служебномъ отдѣленіи сидѣли два человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ оберъ-кондукторъ Юхановъ, а другой—его правая рука, кондукторъ Жигалевъ, который только-что вошелъ.

— Ну что, собралъ деньги? спросилъ Юхановъ.

— Собралъ!

— Сколько всего?

— Шестьдесятъ два рубля.

— Это съ 34 человѣкъ-то?.. мало!

— Ничего не подѣлаешь! Порядочныхъ зайцевъ совсѣмъ нѣтъ: все одно мужичье!.. Новый контролеръ все дѣло испортилъ: изъ-за него пришлось билеты покупать... Если бы не онъ, и зайцевъ было бы больше, и денегъ гораздо больше.

— Ну, ладно, давай деньги!

— Извольте!

— Ну, хорошо: 62 рубля. Слѣдовательно, по уговору, мнѣ—40; остальные раздѣлите между бригадою. Мнѣ вѣдь приходится еще платить и контролерамъ, и разнымъ другимъ прощальгамъ, а вамъ—что?.. Да и работа ваша топорная, не то что моя... А въ случаѣ чего, такъ и отдѣливаться-то мнѣ придется.

— Извѣстно! подлакнулъ сподвижникъ Юханова.— Большому кораблю—большое и плаваніе.

Раздѣливъ деньги, пріятели закурили папиросы и продолжали разговоръ.

— Я думаю, сказалъ Жигалевъ. — что этотъ Галкинъ не такъ страшенъ, какъ о немъ рассказываютъ... Что-то по немъ не видно; вотъ ужъ двѣ недѣли какъ ѣздить, а еще никого не поймалъ.

— А я думаю, напротивъ, возразилъ Юхановъ, — что это штука—ухъ, какая тонкая! Онъ теперь только высматриваетъ, а потомъ начнетъ ловить!

— Такъ не мѣшало бы войти съ нимъ въ соглашеніе...

— Пожалуй, что это будетъ даже необходимо. Хотя мы работаемъ чисто, такъ-что комаръ носа не подточитъ, а все-таки будетъ спокойнѣе!

— А можетъ быть онъ такой, что и на сдѣлку не пойдетъ?

— Пустяки! А только вотъ что: очень можетъ быть, что онъ на маломъ-то не помирится, какъ другіе, а давай ему побольше!

— Такъ-что, пожалуй, и намъ ничего не останется...

— Ну, до этого не дойдетъ... Впрочемъ, проживемъ — увидимъ, а покамѣстъ ухо все-таки надо держать остро!

Разговоръ продолжался на ту же тему, какъ вдругъ опять послышался протяжный свистъ, и черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ остановился на маленькой станціи.

Исполнивъ всѣ формальности, Юхановъ уже готовился дать свистокъ отправления, какъ вдругъ сзади него раздался голосъ, отъ котораго вздрогнули всѣ фибры его существа.

— Пойдемте въ передній вагонъ!

Юхановъ повернулся какъ бы на раскаленномъ желѣзѣ, и увидалъ передъ собою контролера Галкина, ко-

торый остался въ З*, а теперь какимъ-то чудомъ появился, когда поѣздъ проѣхалъ уже нѣсколько станцій. какъ будто онъ подчинилъ себѣ и пространство, и время. Если бы у самыхъ ногъ Юханова ударилъ громъ, если бы подъ его ногами разверзлась земля, если бы онъ увидалъ, что двѣ горы сходятся между собою,— все это его такъ бы не поразило, какъ этотъ маленький, ничтожный, тщедушный человѣчекъ, котораго онъ могъ бы раздавить однимъ махомъ своей колоссальной руки. Онъ до того растерялся, что несмотря на строгое чиноподчиненіе, не могъ удержать восклицанія, которое какъ-то мимовольно сорвалось съ его языка:

— Какъ вы сюда попали?!

— А вамъ какое до этого дѣло?! надменно произнесъ конгрольеръ.

Въ его голосѣ слышалось столько сарказма, злорадства, что это окончательно уничтожило Юханова, которому до сихъ поръ еще не приходилось встрѣчать ничего подобнаго. Видя смущеніе и нерѣшительность обера, Галкинъ ехидно повторилъ:

— Пойдемте въ передній вагонъ!

Юхановъ отлично понялъ, что означало это „пойдемте въ передній вагонъ“; это показывало, какъ хорошо Галкинъ былъ ознакомленъ съ существующими обычаями и кондукторскою „работою“. Дѣло въ томъ, что почти всѣ контролеры начинаютъ контролировать поѣздъ всегда съ задняго вагона; это дѣлается для бѣльшаго удобства и вслѣдствіе многихъ другихъ причинъ. Въ виду такого обычая, перешедшаго уже въ рутину, кондукторы сажаютъ „зайцевъ“ всегда въ передній вагонъ, чтобы успѣть ихъ попрыгать, въ случаѣ внезапнаго появленія строгаго контролера, котораго по какимъ-нибудь обстоятельствамъ нельзя было

предвидѣть и принять заранѣе болѣе радикальныя мѣры. Контролеры, состоящіе съ оберami въ особыхъ отношеніяхъ, знаютъ кондукторскіе приемы, и потому въ передній вагонъ никогда не заглядываютъ; такимъ образомъ, они сохраняютъ свое контролерское достоинство. Кондукторы прячутъ „зайцевъ“ подъ скамейки и въ другія укромныя мѣста; если же это оказывается неудобнымъ, переводятъ ихъ въ багажный вагонъ, а если существуютъ данныя для предположенія, что контролеръ заглянетъ и туда, то выгоняютъ „зайцевъ“ на переднюю площадку багажнаго вагона, запираютъ переднюю входную дверь, и заваливаютъ ее тюками.

Галкинъ зналъ все это отлично, и потому началъ контроль съ передняго вагона, чтобы отрѣзать отступленіе и не дать времени кондукторамъ поспрятать своихъ „зайцевъ“. Теперь онъ контролировалъ совсѣмъ иначе. Теперь въ его движеніяхъ, хотя одинаково быстрыхъ и порывистыхъ, не проглядывало той безопасности и небрежности, какъ въ первый разъ, а напротивъ, онъ точно священнодѣйствовалъ. Онъ не пропускалъ пассажира, мѣшавшаго съ предъявленіемъ билета, а только торопилъ его. Теперь онъ заглядывалъ даже подъ скамейки, для чего беспокоилъ другихъ пассажировъ, и вообще обращался съ ними крайне безцеремонно. Ни одно укромное мѣстечко не избѣгало его зоркаго взгляда, а когда онъ обнаруживалъ безбилетнаго пассажира, то пристально въ него вглядывался, и потомъ отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ какой-то кабалистическій знакъ.

— Тридцать четыре человѣка! сказалъ контролеръ оберу, когда онъ уже прошелъ послѣдній вагонъ и вышелъ на заднюю площадку.

Несмотря на многія попытки, ни одинъ „заяцъ“ не сумѣлъ укрыться отъ преслѣдованія контролера; онъ ихъ всѣхъ привелъ въ извѣстность.

Минуту спустя, въ служебномъ отдѣленіи опять сидѣли оберъ-кондукторъ Юхановъ и его помощникъ Жигалевъ.

— Я просто ума не приложу! говорилъ оберъ. — Какъ онъ могъ насъ обогнать?

— Очень просто: на курьерскомъ поѣздѣ! сказалъ Жигалевъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, на курьерскомъ, иначе и нельзя... Но все-таки, какъ же? Вѣдь курьерскій въ 3* не останавливается; затѣмъ, при проходѣ этого поѣзда, я нарочно слѣдилъ, и мнѣ явственно подали знакъ, что тамъ никакого контролера нѣтъ; наконецъ, если бы онъ проѣхалъ впередъ, такъ на тѣхъ станціяхъ это было бы извѣстно, а между тѣмъ никто мнѣ ничего не сказалъ... Неужели они всѣ были подкуплены? Это просто уму непостижимо!..

— Какъ бы тамъ ни было, а теперь наше дѣло—табакъ! уныло проговорилъ Жигалевъ.

— Ну, можетъ быть еще не все потеряно; я пойду на переговоры.

— Идите, а только надо поаккуратнѣе...

— Знаю... не въ первый разъ!..

Оберъ ушелъ, и въ служебномъ отдѣленіи остался одинъ Жигалевъ, въ очень тревожномъ состояніи духа.

III.

Какимъ образомъ Галкинъ могъ опередить поѣздъ, отъ котораго отсталъ? Дѣло объясняется очень просто. На одной изъ предыдущихъ станцій курьерскій поѣздъ

долженъ былъ, по расписанію, обогнать пассажирскій, который сопровождалъ Юхановъ. Этимъ обстоятельствомъ Галкинъ задумалъ воспользоваться; но сѣсть просто и поѣхать—было бы слишкомъ грубо, топорно. Юхановъ своевременно узналъ бы объ этомъ и принялъ бы надлежащія мѣры. Надо было все сдѣлать такъ, чтобы Юхановъ ничего не зналъ, и даже не подозрѣвалъ готовившагося для него удара. Никто не долженъ былъ знать объ этой поѣздкѣ: ни кондукторская бригада курьерскаго поѣзда, ни станціонные служащіе. Въ 3* курьерскій поѣздъ не останавливался, а между тѣмъ надо было на немъ отправиться въ обгонку. Галкинъ могъ бы остановить поѣздъ: его должность давала на это право; но сдѣлать такъ было бы все равно, что сказать громко: „Я ѣду ловить Юханова“. Галкинъ придумалъ способъ, хотя менѣе удобный, но зато болѣе цѣлесообразный.

Оставшись на станціи 3*, онъ пошелъ по линіи, будто гулять; у выходной стрѣлки взялъ у стрѣлочника зеленый флагъ, посредствомъ котораго въ трехъ верстахъ отъ станціи замедлилъ ходъ курьерскаго поѣзда. Когда послѣдній съ нимъ поровнялся, онъ на ходу ловко вскочилъ на паровозъ, при приблизительной скорости 15 верстъ въ часъ, и уже не сходилъ съ него, пока не обогналъ пассажирскаго поѣзда. Продолжая мимо станцій, онъ прятался за котелъ, чтобы его не было видно снаружи. Когда поѣздъ уже подъѣзжалъ къ станціи, гдѣ онъ намѣревался накрыть Юханова, онъ соскочилъ съ паровоза тоже на ходу, а на станцію отправился пѣшкомъ, и явился туда ни для кого незамѣтно, въ самый подходящій моментъ.

Теперь Галкинъ вторично сидѣлъ въ томъ же купе, какъ и послѣ перваго контроля, и опять преспокойно

читалъ газету. Вдругъ дверь отворилась, и показалась тучная фигура Юханова. По лицу контролера пробѣжала едва замѣтная улыбка; но это было только одинъ мигъ, и затѣмъ лицо его опять приняло безстрастное выраженіе.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ вошедшаго оберъ-кондуктора.

— Извините за беспокойство, Іосифъ Евлампіевичъ! проговорилъ Юхановъ, — я пришелъ только узнать, что вы намѣрены дѣлать?

— А развѣ вы не знаете, что въ такихъ случаяхъ дѣлаютъ?

— Какъ не знать, я отлично знаю! А только, какъ вы у насъ вновѣ, такъ можетъ быть и сдѣлаете что-нибудь несуразное, такъ-сказать, ни себѣ, ни людямъ...

— Вамъ обо мнѣ беспокоиться нечего, и учить меня вамъ не придется; увидите, суразное я буду дѣлать, или несуразное.

Юхановъ совершенно опѣшилъ. „Неужели, подумалъ онъ,—этотъ плюгавенькій человѣчекъ такой, что съ нимъ не придется и пива сварить“? Однако, онъ рѣшился дѣйствовать до конца.

— Дѣло въ томъ, Іосифъ Евлампіевичъ, заговорилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, — что у насъ съ контролерами существуетъ соглашеніе, которое бываетъ двоякое: мы платимъ контролерамъ или по 50 коп. за cadaго „зайца“, или же каждый изъ насъ платитъ каждому контролеру отъ 20 до 50 рублей въ мѣсяцъ, смотря по выручкѣ. Второе условіе, конечно, гораздо спокойнѣе, и потому почти всѣ контролеры его предпочитаютъ. Насъ 15 человѣкъ; это составитъ 6—7 тысячъ рублей въ годъ; какъ видите, доходъ кругленькій...

— Ну, и прекрасно!.. Соглашайтесь, сколько вамъ угодно, а только меня-то вы оставьте въ покоѣ! почти закричалъ контролеръ, причемъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

Юхановъ все больше и больше терялъ почву подъ ногами; онъ уже начиналъ сомнѣваться въ благополучномъ исходѣ начатыхъ имъ переговоровъ, и даже терялъ вѣру въ свои дипломатическія способности.

— Можетъ быть, проговорилъ онъ неувѣреннымъ голосомъ,—эти условія кажутся вамъ слишкомъ невыгодными; въ такомъ случаѣ, я, съ своей стороны, заранее согласенъ на всякія условія, какія вамъ угодно будетъ мнѣ подписать.

Контролеръ бросилъ на Юханова быстрый, пронизательный, испытующій взглядъ, и оставшись, повидимому, доволенъ этимъ мимолетнымъ наблюденіемъ, сказалъ:

— Посмотрите, какой номеръ этого вагона.

— Я его знаю, сказалъ оберъ въ сильномъ недоумѣніи.

— Какой же? рѣзко спросилъ Галкинъ.

— Триста тринадцатый!

— Ну, такъ вотъ-съ! скороговоркою выпалилъ контролеръ, затѣмъ отвернулся, и сталъ смотрѣть въ окно на мелькавшіе телеграфные столбы.

Юхановъ понялъ. Это былъ намекъ, хотя съ виду и туманный, но достаточно ясный для обера, который, по его собственному выраженію, прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы. Номеръ вагона показывалъ сумму, которую требовалъ контролеръ за свое молчаніе. Юхановъ это понялъ, но все-таки не совсѣмъ: онъ еще не догадывался, какое чудовищное требованіе заявилъ этотъ мизерный контролеръ, хотя и то, что онъ предполагалъ, казалось ему чрезмѣрнымъ.

— Такъ вы хотите получать съ меня 313 рублей въ мѣсяцъ? съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ оберъ.

— Вы должно быть шутите, господинъ Юхановъ! съ оттѣнкомъ ироніи проговорилъ Галкинъ, не смотря на обера.

Удивленіе Юханова принимало все бѣльшіе и бѣльшіе размѣры.

— Неужели не въ мѣсяцъ!.. Я просто теряюсь!.. За какое же время вы желаете получать съ меня такую сумму?

— За сегодняшній день!

Какъ ни былъ уже настроенъ Юхановъ, какъ ни былъ онъ уже приготовленъ къ тому, что Галкинъ не заурядный контролеръ, который охотно помирился бы на обыкновенныхъ условіяхъ, но ему не приходила на мысль даже возможность чего-нибудь подобнаго. Такое чудовищное по своимъ размѣрамъ требованіе поразило его до того, что онъ нѣсколько времени стоялъ какъ вкопанный, и не могъ выговорить ни слова. Но это продолжалось недолго; онъ оправился, и сообразилъ, что выбора у него не было; онъ долженъ былъ согласиться, или иначе онъ пропалъ.

— Извольте, Іосифъ Евлампіевичъ... Я согласенъ, прерывистымъ голосомъ говорилъ Юхановъ, — но я не имѣю при себѣ такихъ денегъ; позвольте мнѣ доѣхать домой, и тогда я немедленно доставлю вамъ на квартиру, или куда прикажете, требуемую сумму... Въ этомъ, я полагаю, вы не будете сомнѣваться: у насъ на этотъ счетъ, вообще, существуетъ полное довѣріе.

Контролеръ задумался.

IV.

Еще до своего официальнаго опредѣленія на желѣзную дорогу, Галкинъ ознакомился въ мельчайшихъ подробностяхъ съ ареною предстоящей ему дѣятельности, и тогда же намѣтилъ образъ дѣйствій. Онъ опредѣлился съ хорошими рекомендаціями и самою лестною репутаціею. И вотъ, онъ задумалъ воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами. Для чего? Для того, чтобы сдѣлаться богатымъ, и не какъ-нибудь, а дѣйствительно богатымъ... Неужели онъ такой простакъ, чтобы предоставлять желѣзнодорожному обществу пользоваться его умѣніемъ, его ловкостью, его искусствомъ, за какія-нибудь полторы тысячи въ годъ? Что дадутъ ему эти полторы тысячи? Только-что, только безбѣдную жизнь, и затѣмъ ничѣмъ не обеспеченную будущность. Неужели онъ помирится съ такимъ положеніемъ?.. А съ другой стороны, можетъ-ли онъ идти по слѣдамъ другихъ контролеровъ: смотрѣть на все сквозь пальцы, рисковать своею репутаціею, готовить почву для подозрѣній, и за все это пользоваться какими-нибудь кондукторскими подачками, собирать рублями, продавать себя за какія-нибудь 6—7 тысячъ, которыя, можетъ быть, и доставятъ комфортабельную жизнь, но не обезпечатъ будущности и не составятъ богатства? Нѣтъ, конечно, нѣтъ!.. Если ужъ продавать—такъ продавать; если брать—такъ брать, не сколько дадутъ, а сколько самому захочется, сколько можно будетъ брать; а то, что ему можно будетъ брать, составитъ, конечно, богатство. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ считать свое состояніе не тысячами, а десятками тысячъ... Онъ будетъ предписывать условія, а не принимать ихъ, и кто же не будетъ со-

глашаться? Только тотъ, у кого карманъ окажется тощимъ, а такихъ онъ будетъ прогонять. На ихъ мѣсто явятся другіе, болѣе податливые: было бы болото, а черти найдутся. Такимъ образомъ, онъ будетъ и наживаться, и репутацію свою поддерживать. Бѣдныхъ оберовъ онъ повыгонитъ, а богатыхъ разоритъ, и на развалинахъ этого своеобразнаго опустошенія воздвигнетъ свое собственное благосостояніе...

Все это было уже рѣшено; но вотъ, съ первыхъ же шаговъ Галкинъ натолкнулся на нѣчто непредвидѣнное. Юхановъ заявилъ, что у него не было съ собою 300 рублей, и просилъ отсрочки до приѣзда домой. Это было вполнѣ правдоподобно: кто же будетъ возить съ собою такія деньги, если къ тому не представляется особенной надобности? А между тѣмъ, Галкинъ держалъ Юханова въ своихъ рукахъ только до слѣдующей станціи, гдѣ онъ долженъ былъ представить „зайцевъ“, для взысканія съ нихъ за проѣздъ по удвоенному тарифу и составленія протокола. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то затѣмъ уже всѣ взятки гладки. Юхановъ можетъ и не передать условленной суммы, и тогда ничего нельзя будетъ съ него требовать, и доносить на него будетъ поздно: это было бы все равно, что доносить на самого себя.

Вотъ объ этомъ-то Галкинъ и задумался: „повѣрить — опасно, не повѣрить — ничего не возьмешь“. Слѣдовательно, приходилось идти на компромиссъ, вѣрить на-слово, иначе онъ ни съ одного обера ничего не получитъ, а только ихъ поразгоняетъ, и не видать ему богатства, о которомъ онъ мечталъ. „Впрочемъ, рѣшилъ контролеръ, — если сегодня онъ меня обманетъ, то завтра я его опять накрою, и-тогда, конечно, пощады ему не будетъ“.

— Такъ какъ же, Іосифъ Евлампіевичъ? переспросилъ Юхановъ, видя нерѣшительность контролера.

Галкинъ вторично бросилъ на оберъ мимолетный, испытующій взглядъ, желая, вѣроятно, убѣдиться въ его искренности, затѣмъ отвернулся, забарабанилъ пальцами по стеклу, и сказалъ:

— Хорошо!

Юхановъ относительно успокоился, но все-таки этотъ разговоръ его ужасно разстроилъ, такъ-что, когда онъ столкнулся съ своимъ помощникомъ Жигалевымъ, то былъ еще очень блѣденъ. Послѣдній, видя возбужденное состояніе оберъ, подумалъ, что все потеряно.

— Ну, что?... не выгорѣло? безнадежно спросилъ Жигалевъ.

— Выгорѣть-то выгорѣло, а только не дешево.

— То-есть какъ?

— Да такъ; онъ требуетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 313 рублей!

— За мѣсяць, что-ли?

— Нѣтъ, не за мѣсяць, а за разъ!

— Неужели?! воскликнулъ Жигалевъ, и даже подскочилъ отъ неожиданности.

— И говорить, ни копѣйки меньше.

— Ну, и вы дали?

— Еще не далъ, упросилъ подождать до приѣзда домой.

— И что же, дадите?

— Конечно, дамъ!

Въ этотъ моментъ Юхановъ былъ искрененъ; онъ дѣйствительно не видѣлъ другого исхода, какъ только удовлетворить требованіе контролера. Но до приѣзда домой оставалось еще много времени; мало-по-малу

онъ успокоился, нервы его пришли въ нормальное состояніе, и мысли его приняли иное направленіе.

„Теперь время ушло, и онъ ничего со мною сдѣлать не можетъ, разсуждалъ оберъ,—хотя бы я ничего ему не далъ. Ну, а если исполнить его требованіе, что тогда?.. Вѣдь это значить, что я согласенъ и на будущее время входить съ нимъ въ подобныя соглашенія; вѣдь онъ тогда на мнѣ верхомъ сядетъ, совсѣмъ закабалить. Сегодня онъ потребовалъ 300 рублей, завтра давай ему 400, 500!... Да что, въ самомъ дѣлѣ, я теперь глупѣе сталъ, что-ли? Вѣдь это только одинъ разъ ему удалось обогнать меня на курьерскомъ поѣздѣ, въ другой разъ не придется... Нѣтъ, не скажутъ, что какой-нибудь контролеришка меня подвелъ! Ничего не дамъ, и впередъ никакого съ нимъ дѣла имѣть не буду!.. А вотъ надо постараться его сплавить, это будетъ лучше; вѣдь я и не съ такими справлялся. Пусть попробуетъ теперь меня поймать. Нѣтъ, шалишь, не на такого напалъ!.. Пусть на другихъ выѣзжаетъ!..“

Между тѣмъ, поѣздъ прибылъ на конечную станцію. Галкинъ захватилъ маленькій чемоданчикъ, который постоянно возилъ съ собою, и вышелъ изъ вагона. Этотъ чемоданчикъ крайне интриговалъ железнодорожныхъ служащихъ; онъ былъ устроенъ гармоникою, такъ-что его можно было по желанію складывать и растягивать. Онъ и принималъ въ разное время различные размѣры, изъ чего надо было заключить, что его содержимое то увеличивается, то уменьшается. Въ данный моментъ чемоданчикъ былъ совершенно стянута. Служащіе сначала думали, что изъ экономіи Галкинъ возитъ съ собою провизію, чтобы не переплачивать лишнее въ буфетахъ; но скоро это пред-

положеніе оказалось несостоятельнымъ, такъ-какъ многіе видѣли, что онъ постоянно продовольствовался именно въ буфетахъ. Никто никогда не видѣлъ, чтобы Галкинъ открывалъ свой чемоданчикъ. Однажды, сидя на одной станціи въ конторѣ и поджидая поѣздъ, онъ отлучился на короткое время, а чемоданчикъ остался. Служащіе въ конторѣ моментально его обступили, и увидѣли, что тутъ же на шнурочкѣ висѣлъ ключикъ; они всунули его въ замокъ и стали вертѣть во всѣ стороны, но безуспѣшно: замокъ оказался съ секретомъ. Это еще болѣе заинтриговало всѣхъ; толкамъ и пересудамъ не было конца.

Проходя мимо Юханова, Галкинъ, не глядя на него, вполголоса сказалъ:

— Я жду!

— Ладно, жди! Долго тебѣ, братъ, ждать придется! сказалъ про себя Юхановъ, когда контролеръ удалился.

Галкинъ ждалъ и не дождался. Время, когда по его расчету Юхановъ долженъ былъ доставить условленный кушъ, прошло, а между тѣмъ никто не появлялся. Этотъ неудачный дебютъ страшно его обозлилъ.

— Ну, хорошо же, голубчикъ! проговорилъ онъ сквозь зубы,—теперь твоя пѣсенка снѣта!

Для того, чтобы накрыть Юханова, Галкинъ сталъ употреблять всевозможные способы: разѣзжалъ въ товарныхъ поѣздахъ, чтобы скрыть свой слѣдъ, но нѣсколько дней проживалъ въ какой-нибудь гостинницѣ на маленькой станціи, и потомъ внезапно появлялся при проходѣ поѣзда; даже пробовалъ останавливать поѣздъ на пути среди поля; но всѣ эти хитрости ни къ чему не приводили. У Юханова былъ многочислен-

ный штатъ услужливой полиціи изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ: кондукторовъ, телеграфистовъ, агентовъ движенія, кассировъ и проч., которые за нѣкоторое вознагражденіе передавали ему нужныя свѣдѣнія. Поэтому весьма понятно, что Галкинъ не могъ выѣхать на линію, чтобы Юхановъ этого не зналъ, а также и того, въ какомъ именно районѣ онъ находится; зная же это, онъ всегда проѣзжалъ этотъ районъ „чисто“, то-есть заблаговременно покупалъ билеты.

Каждый разъ, когда Галкинъ контролировалъ его поѣздъ, онъ только посмѣивался, и разсуждалъ про себя:

— Что?.. много взялъ? Нѣтъ, не накроешь... А вотъ, что я тебя сплавлю, такъ это вѣрнѣе вѣрнаго.

Эта травля, однако, обходилась для Юханова не дешево: его „доходы“ значительно сократились. Но все-таки дефицита еще не было.

Самъ Галкинъ уже мало уповалъ на успѣхъ своихъ преслѣдованій. У него были другія цѣли: онъ хотѣлъ дать понять Юханову, что исключительно имъ занимается. Главная цѣль этихъ преслѣдованій заключалась въ томъ, чтобы Юхановъ, видя ихъ безуспѣшность возымѣлъ о себѣ очень высокое мнѣніе, и еще болѣе убѣдился бы въ своей неуловимости. Все это было нужно Галкину, чтобы затѣмъ съ наибольшими шансами на блистательный успѣхъ пустить въ ходъ имѣвшееся у него въ запасѣ непогрѣшимое средство, которое онъ держалъ въ глубочайшей тайнѣ.

Когда Галкинъ убѣдился, что Юхановъ остерегается его на каждомъ шагу, то вдругъ пересталъ его преслѣдовать; если же изрѣдка и контролировалъ его поѣзда, то безъ всякихъ ухищреній, и какъ будто для формы. Онъ хотѣлъ дать понять Юханову, что усталъ

его преслѣдовать, и признаеть себя побѣжденнымъ. Когда же онъ убѣдился, что его маневръ произвелъ желаемое дѣйствіе, что Юхановъ сталъ смѣлѣе, онъ рѣшился приступить къ своему „непогрѣшному средству“.

V.

Воспользуемся правомъ рассказчика и проникнемъ въ одно помѣщеніе, куда не было доступа никому, за исключеніемъ самого контролера Галкина. Это—небольшая комната, составляющая часть его квартиры. Этой комнатѣ, или вѣрнѣе, тому, что тамъ находилось, позавидовалъ бы любой провинціальный антрепренеръ, любой сыщикъ, даже какой-нибудь главарь международной шайки мошенниковъ. Тамъ, въ удивительномъ порядкѣ, по стѣнамъ и въ шкафахъ, были развѣшаны всевозможные костюмы современнаго типа; на особыхъ приспособленіяхъ висѣли парики, бороды и просто комки волосъ всевозможныхъ оттѣнковъ, какіе-то инструменты и эластичные предметы самой причудливой формы. На видномъ мѣстѣ стоялъ большой туалетный столъ, отъ котораго пришла бы въ восторгъ самая шикарная „звѣзда“ первой величины. На немъ въ замѣчательномъ порядкѣ было разставлено множество баночекъ съ жидкостями всевозможныхъ цвѣтовъ; затѣмъ —кисточки, щеточки, какія-то пружинки, щипчики, ножницы самой разнообразной величины и формы. Тутъ, казалось, пріютился цѣлый косметическій магазинъ, начиная отъ пудры и кольдъ-крема, и кончая самыми дорогими румянами и бѣлилами...

Галкинъ сидѣлъ за этимъ столомъ, и съ замѣчательною ловкостью работалъ надъ своею фізіономіею.

Мало-по-малу она совершенно видоизмѣнилась: рыжая борода, рыжіе усы и такого же цвѣта волосы и брови покрыли его голову; щеки и носъ приняли багровый оттѣнокъ, кое-гдѣ появились неопредѣленнаго цвѣта пятна, синія очки исчезли, руки покрылись веснушками, словомъ—онъ сталъ неузнаваемъ. Если бы тѣнь Василя Васильевича Самойлова присутствовала при работѣ Галкина, то она рукоплескала бы отъ восторга. Галкинъ оказался геніальнымъ гриммомъ, достойнымъ наслѣдникомъ этого знаменитаго актера-протeya. Мало того, что въ немъ уже никакимъ образомъ нельзя было признать прежняго контролера Галкина, но даже на близкомъ разстояніи нельзя было уловить слѣдовъ гриммировки. Его работа была высоко-художественна, и онъ сумѣлъ придать своей фізіономіи совершенно естественный видъ.

Соотвѣтствующій костюмъ преобразилъ его въ забулдыгу-мастерового. Для довершенія иллюзіи, онъ положилъ въ карманъ косушку съ водкою, взялъ гармонику, на плечи взвалилъ холщевый мѣшокъ, куда предварительно вложилъ свой чемоданчикъ, и въ такомъ видѣ отправился на вокзалъ. Его квартира была такъ устроена, что онъ могъ выходить и входить ни для кого незамѣтно.

Поѣздъ уже стоялъ у платформы. Галкинъ раньше зналъ, что съ этимъ поѣздомъ поѣдетъ Юхановъ. Онъ обратился къ кондуктору.

— Землякъ! нельзя-ли проѣхать безъ билета? проговорилъ онъ сильнымъ, совершенно не своимъ голосомъ.

— А деньги у тебя есть? спросилъ кондукторъ.

— Про тебя хватить! тѣмъ же измѣненнымъ голосомъ отвѣтилъ Галкинъ, и показалъ кондуктору трехрублевую бумажку.

— Ну, такъ купи въ кассѣ билетъ до первой станціи, и садись въ передній вагонъ.

Это дѣлалось изъ предосторожности, потому что даже въ моментъ отхода поѣзда, на конечной станціи, гдѣ контролеры имѣли свое мѣстопробываніе, могъ внезапно появиться кто-нибудь изъ нихъ. Главнымъ образомъ тутъ имѣлся въ виду, конечно, самъ Галкинъ.

Поѣздъ отправился, и вслѣдъ затѣмъ Юхановъ сталъ провѣрять билеты. Проходя по вагонамъ, онъ говорилъ своему помощнику Жигалеву:

— Галкинъ остался дома, на линіи ничего нѣтъ опаснаго, слѣдовательно все благополучно; собирайте деньги.

А между тѣмъ, Галкинъ сидѣлъ въ переднемъ вагонѣ и наигрывалъ на гармоникѣ. Опрашивая у него билетъ, Юхановъ не обратилъ на него никакого вниманія; но если бы даже кто-нибудь ему и сказалъ, что подъ личиною этого забулдыги-мастерового скрывается контролеръ Галкинъ, то онъ фыркнулъ бы отъ смѣха, въ полной увѣренности, что надъ нимъ хотятъ пошутить.

Въ переднемъ вагонѣ, гдѣ сидѣлъ Галкинъ, почти у всѣхъ пассажировъ билеты были только до первой станціи; это были все „зайцы“. Юхановъ, отобравъ билеты, ушелъ, а Жигалевъ остался отбирать деньги. Забулдыга-мастеровой все время наигрывалъ на гармоникѣ, что было очень кстати для Жигалева, такъ-какъ за ея звуками не было слышно его переговоровъ съ „зайцами“. Дошла очередь и до забулдыги.

— Ты куда ѣдешь?

— Въ Б*! отвѣтилъ мастеровой сильнымъ голосомъ.

— Два рубля! коротко сказалъ Жигалевъ.

— Изволь!

И Галкинъ сталъ вынимать деньги, вмѣстѣ съ махоркою, изъ грязнаго мѣшечка.

Покончивъ свое дѣло, Жигалевъ ушелъ. Поѣздъ прошелъ одну станцію, другую, третью; лишь только онъ вышелъ изъ третьей станціи, Галкинъ сказалъ про себя:

— Теперь время!

Онъ схватилъ свой мѣшокъ, и сталъ пробираться изъ вагона въ вагонъ. На одной площадкѣ его остановилъ кондукторъ.

— Ты куда идешь?

— Въ тотъ вагонъ; тамъ мой товарищъ остался, я къ нему...

— Нельзя переходить на ходу ступай, назадъ! огрызнулся кондукторъ.

— Пропусти, голубчикъ! взмолился забулдыга-мастеровой, — я тебя угощу!..

И онъ подаль кондуктору косушку съ водкою. Тотъ соблазнился живительною влагою, взялъ косушку, и сразу глотнулъ добрую половину.

— На, закуси! проговорилъ мастеровой, подавая кондуктору кусокъ вареной колбасы, въ полъ-фунта вѣсомъ.

Тотъ откусилъ тоже чуть не половину.

— Ну, проходи, да только поосторожнѣе! скомандовалъ кондукторъ.

— Не хлопочи, самъ дорогу знаю!..

Галкинъ пошелъ дальше. Дойдя до вагона второго класса, онъ вошелъ въ маленькую уборную съ умывальникомъ, тщательно заперъ за собою дверь, затѣмъ вытащилъ изъ мѣшка чемоданчикъ, отперъ его, и быстро сталъ разоблачаться. Въ чемоданчикѣ находился его обыкновенный контролерскій костюмъ. Вся работа

заняла нѣсколько минутъ времени. Онъ заглянулъ въ зеркало, и остался доволенъ. Затѣмъ уложилъ свой маскарадный костюмъ и всѣ принадлежности въ чемоданчикъ, завернулъ туда же холщевый мѣшокъ, и вошелъ въ вагонъ. Оставивъ тамъ чемоданчикъ, онъ пошелъ дальше.

На пути онъ встрѣтилъ одного кондуктора. Тотъ, увидавъ контролера, такъ и остолбенѣлъ, вынучилъ глаза и даже перекрестился: вѣроятно онъ подумалъ, что тутъ замѣшалась нечистая сила. Галкинъ, однако, прошелъ мимо, не обративъ на изумленного кондуктора никакого вниманія. Дойдя до служебнаго отдѣленія, онъ приотворилъ дверь; тамъ, по обыкновенію, сидѣли Юхановъ и Жигалевъ.

— Ага, вы здѣсь, голубчики! проговорилъ Галкинъ,—а я васъ вездѣ ищу... Пойдемте дѣлать контроль!

Оберъ и его помощникъ словно окаменѣли. Не испугъ выражался на ихъ лицахъ, а какое-то безпредѣльное изумленіе. Они смотрѣли то на контролера, то другъ на друга, и положительно не вѣрили своимъ глазамъ.

— Что онъ, по воздуху летаетъ, что-ли? думалось Юханову.

Галкинъ нѣсколько секундъ наслаждался произведеннымъ эффектомъ. Наконецъ, видя, что тѣ не двигаются съ мѣста, а только водятъ кругомъ помутившимися глазами, какъ звѣри, пойманные въ клѣтку, повторилъ:

— Пойдемте дѣлать контроль!

Но Юхановъ не двигался. Онъ все еще не могъ прійти въ себя; наконецъ, не выдержалъ, и голосомъ, въ которомъ звучало безнадежное отчаяніе, крикнулъ:

— Да что вы... чортъ, или дьяволъ?

— Въ родѣ этого, господинъ Юхановъ! ехидно проговорилъ контролеръ.

И онъ скорчилъ дѣйствительно сатанинскую улыбку, которая чуть не свела съ ума Юханова. Тотъ даже подумалъ, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ это—призракъ, который вотъ-вотъ исчезнетъ такъ же внезапно, какъ и появился. Но призракъ не исчезалъ, а напротивъ, съ нетерпѣніемъ воскликнулъ:

— Что вы, обалдѣли, что-ли?!.. Нечего попусту время терять, идите за мною!

Оберъ и его помощникъ тяжело поднялись со своихъ мѣстъ и лѣниво поплелись за контролеромъ. Последній прошелъ опять въ передній вагонъ, и оттуда началъ контроль; онъ уже зналъ, что въ этомъ вагонѣ всѣ пассажиры—„зайцы“. Войдя, онъ не сталъ опрашивать каждаго пассажира отдѣльно, а крикнулъ на весь вагонъ:

— У кого есть билеты?!

Двое пассажировъ, сидѣвшіе рядомъ, подняли руки. Галкинъ прощелкнулъ билеты, и затѣмъ громко спросилъ:

— Остальные билетовъ не имѣютъ?

— Не имѣемъ! въ одинъ голосъ отозвались „зайцы“.

— Мы уже деньги отдали! крикнули нѣкоторые.

Галкинъ сосчиталъ всѣхъ „зайцевъ“, записалъ въ свою книжку, и направился въ слѣдующій вагонъ. Не безъ цѣли онъ не опрашивалъ каждаго пассажира отдѣльно: во-первыхъ, ему надо было торопиться, чтобы успѣть окончить контроль до прихода поѣзда на станцію, такъ-какъ не мало ушло времени на переодѣваніе и на переговоры, а во-вторыхъ, Юхановъ либо Жигалевъ могли бы замѣтить отсутствіе рыжаго забуддыги-мастерового, а Галкинъ боялся, чтобы его тайна не

вышла наружу. Но предосторожность была излишняя, потому что Юхановъ и Жигалевъ были слишкомъ разстроены; они чувствовали, что ихъ судьба рѣшилась, и потому относились ко всему совершенно равнодушно.

Во второмъ вагонѣ „зайцевъ“ было значительно меньше, въ третьемъ—три-четыре человѣка, а въ остальныхъ всѣ пассажиры были уже настоящіе, съ билетами. Въ то же время, какъ Галкинъ контролировалъ четвертый вагонъ, Юхановъ, слѣдовавшій сзади него, вдругъ встрепенулся; безысходная апатія смѣнилась необычайнымъ оживленіемъ, и если бы въ это время контролеръ на него взглянулъ, то крайне удивился бы этой внезапной перемѣнѣ. Юхановъ какъ будто что-то вспомнилъ, какъ будто какая-то гениальная мысль внезапно осянула его оупѣвшій умъ; его лицо озарилось лукаво-вызывающею улыбкою, и онъ, какъ бы повинувшись внезапному наитію, вынулъ записную книжку, оторвалъ одинъ листочекъ, черкнулъ нѣсколько словъ, затѣмъ досталъ толстую пачку денегъ, и не оборачиваясь, передалъ деньги и записку Жигалеву, который находился сзади него. Весь этотъ маневръ Юхановъ произвелъ замѣчательно ловко, такъ-что Галкинъ, шедшій впереди, ничего не замѣтилъ. Когда перешли въ пятый вагонъ, Жигалевъ остался, и его смѣнилъ другой кондукторъ.

VI.

Галкинъ торопился. Хотя онъ и зналъ очень хорошо, что въ заднихъ вагонахъ „зайцевъ“ нѣтъ, развѣ какой-нибудь пассажиръ изъ бывшихъ служащихъ, ѣдущій по знакомству, но все-таки онъ хотѣлъ сдѣлать все по формѣ. Когда онъ входилъ въ послѣдній ва-

гонъ, поѣздъ уже подѣзжалъ къ станціи, до крайности сокративъ ходъ. Галкинъ этому обстоятельству не придалъ особаго значенія, такъ-какъ подобныя замедленія въ движеніи поѣздовъ встрѣчаются очень часто, по многимъ причинамъ. Онъ, напротивъ, былъ еще очень радъ, что такой случай позволить ему заблаговременно кончить контроль и вернуться къ своему чемоданчику.

Но вотъ поѣздъ остановился. Галкинъ соскочилъ съ тормазной площадки, и тутъ же столкнулся съ господиномъ въ красной фуражкѣ, стоявшимъ на платформѣ.

— Господинъ начальникъ станціи! проговорилъ контролеръ съ напускною небрежностью, подавая ему руку,—въ этомъ поѣздѣ 55 человѣкъ безбилетныхъ пассажировъ, имѣю удовольствіе передать ихъ вамъ для соотвѣтствующаго распоряженія.

Начальникъ станціи нѣсколько удивленно посмотрѣлъ на контролера. Онъ зналъ, какою славою пользовался Юхановъ, можетъ быть и самъ не разъ ему услуживалъ и пользовался его щедротами, и потому не мало удивился, что именно этотъ знаменитый оберъ первый попался въ когти новаго контролера.

— Вотъ какъ, поздравляю! сказалъ начальникъ,—вы лоймали крупную щуку, крупную...

А самъ, между тѣмъ, думалъ: „неужели онъ и впрямь такой неподкупный?“

Въ это время подошелъ Юхановъ, и обращаясь къ начальнику станціи, по формѣ отпрапоровалъ:

— Поѣздъ прибылъ благополучно!

— Кажется, не совсѣмъ! съ улыбкою проговорилъ начальникъ.

— То-есть, какъ?

— Да такъ: у васъ 55 человѣкъ „зайцевъ“!.. Подавайте-ка ихъ сюда, будемъ расправу чинить!

— У меня?.. „зайцы“?.. что вы?.. Богъ съ вами!.. Съ чего вы это взяли?! воскликнулъ оберъ, причемъ скорчилъ такую удивленную фizioномію, что и на самомъ дѣлѣ можно было усомниться въ контролерскомъ заявленіи.

— Да вотъ! сказалъ начальникъ станціи, указывая на контролера.

А самъ думалъ: „что это, мистификація, что-ли?“

— Это вы сказали, что у меня 55 человекъ „зайцевъ“?! воскликнулъ оберъ, обращаясь къ Галкину.— Вѣроятно вы шутить изволите, или можетъ быть вы спали, и это вамъ во снѣ приснилось!

Обою ннхъ уже стала собираться кучка любопытныхъ изъ служащихъ и пассажировъ. Галкина начало злить это непонятное для него нахальство обера.

— Перестаньте, пожалуйста, разыгрывать комедію! вспылнлъ контролеръ.—Это болѣе чѣмъ неумѣстно, и послужитъ вамъ только во вредъ; вы, вѣроятно, поете свою лебединую пѣснь: почуяли, что круто пришлось!

— Помиуйте, Іосифъ Евлампіевичъ!.. Въ своемъ-ли вы умѣ? Никакихъ „зайцевъ“ у меня нѣтъ, никогда ихъ и не было! Я этимъ вовсе не занимаюсь, го-сподннь кон-тро-леръ!

Юхановъ, очевидно, дразннлъ контролера. Послѣдннй смотрѣлъ на обера, и начиналъ уже самъ приходить въ смущеніе. Однако, онъ думалъ, что Юхановъ, видя конецъ своего царствованія, не зная чѣмъ отомстить, устроилъ напоследокъ эту комедію, лишь бы разозлить его, Галкина. Чтобы скорѣе кончить, контролеръ не сталъ болѣе входить въ пререканія съ оберомъ, а пригласилъ начальника станціи пройти вмѣстѣ съ нимъ въ передннй вагонъ.

Всѣ трое отправились, а за ними послѣдовала кучка любопытныхъ. Начальникъ станціи ничего не понималъ; онъ давно уже служилъ на желѣзной дорогѣ, а такого пассажира еще не видалъ. Скандальчикъ начиналъ его забавлять.

Контролеръ вошелъ въ вагонъ первымъ. Тамъ сидѣло человѣкъ двадцать пассажировъ, но это не были „зайцы“: у всѣхъ у нихъ были билеты. Одного взгляда Галкина было достаточно, чтобы въ этомъ убѣдиться: онъ зналъ всѣхъ „зайцевъ“, бывшихъ здѣсь раньше, чуть не въ лицо; не даромъ же онъ проѣхалъ вмѣстѣ съ ними три станціи. Но куда же они дѣвались? Теперь настала очередь Галкина; теперь онъ настолько же былъ пораженъ, какъ и Юхановъ, когда на ходу поѣзда отворилъ дверь служебнаго отдѣленія.

— Гдѣ же тутъ „зайцы“?.. Вы напрасно меня конфузите, господинъ контролеръ! съ укоризною говорилъ оберъ.

Галкинъ смотрѣлъ то на обера, то на начальника станціи, и что-то соображалъ. Начальникъ станціи вѣпросительно посматривалъ на контролера, а самъ думалъ: „нѣтъ, братъ, ты хоть и уменъ, а все-таки въ подметки не годишься нашимъ оберамъ; тѣ хоть кого проведутъ!“

Вдругъ по лицу Галкина мелькнула торжествующая улыбка, и онъ воскликнулъ:

— Ага, понимаю! Вы, господинъ Юхановъ, ихъ высадили, подѣзжая къ станціи, на тихомъ ходу поѣзда, когда я контролировалъ послѣдній вагонъ; не даромъ онъ опоздалъ на цѣлыхъ пять минутъ! Понимаю, понимаю!... Нѣтъ, голубчикъ: стараго воробья на мякинѣ не проведешь!...

— Да вѣдь я былъ съ вами! Что вы... Іосифъ Евлампіевичъ! воскликнулъ оберъ.

— А помощникъ-то у васъ на что?!

Юхановъ поблѣднѣлъ; онъ понялъ, что все погибло.

— Господинъ начальникъ станціи! продолжалъ кондукторъ Жигалева, — я васъ прошу отставить отъ поѣзда кондуктора Жигалева, и самъ здѣсь останусь. Пассажиры, высаженные на пути, не замедлятъ сюда явиться, и будутъ ждать слѣдующаго поѣзда. Я васъ прошу снять съ нихъ допросъ и составить актъ по формѣ.

Продѣлка Юханова была хитро задумана, и могла бы сойти съ рукъ, если бы не прозорливость Галкина. Оберъ написалъ на листочкѣ бумаги всего нѣсколько словъ, но изъ этого немногаго Жигалевъ отлично понималъ, что ему надлежало сдѣлать, и выполнилъ инструкцію самымъ аккуратнымъ образомъ. Извѣстно, что перейти съ поѣзда на паровозъ, даже на самомъ полномъ ходу, не представляетъ никакого затрудненія. Жигалевъ такъ и сдѣлалъ; „подмазалъ“ машиниста, и уговорилъ его за три версты до станціи сдѣлать самый тихій ходъ; затѣмъ роздалъ обратно „зайцамъ“ полученные съ нихъ деньги, и всѣ они на тихомъ ходу повывскакали съ поѣзда. Они охотно согласились это сдѣлать, такъ-какъ отлично знали, что на станціи съ нихъ потребуютъ уплаты двойной стоимости ихъ проѣзда.

Само собою понятно, что когда Жигалевъ „сплавилъ“ всѣхъ „зайцевъ“, передній вагонъ оказался пустымъ; тамъ остались только два пассажира, имѣвшіе билеты. Чтобы его заполнить, Жигалевъ перевелъ туда нѣкоторыхъ пассажировъ изъ другихъ вагоновъ, что не представило никакого затрудненія, такъ-какъ въ заднихъ вагонахъ было очень тѣсно. Онъ это сдѣлалъ по своей собственной инициативѣ, такъ-что Юха-

новъ, войдя въ вагонъ вмѣстѣ съ контролеромъ и начальникомъ станціи, сначала сробѣлъ, думая, что Жигалевъ не успѣлъ выполнить его порученія; но затѣмъ сообразилъ въ чемъ дѣло, и внутренно похвалилъ Жигалева за смекалку. Если бы эта идея пришла въ голову Юханову нѣсколько раньше, и если бы Жигалевъ, высадивъ „зайцевъ“, направилъ ихъ не на ту станцію, куда поѣздъ долженъ былъ прійти, а на ту, откуда онъ вышелъ, то пожалуй и контролерская прозорливость не помогла бы отыскать ихъ слѣды.

Между тѣмъ, поѣздъ отправился дальше, а кондукторъ Жигалевъ и контролеръ Галкинъ остались на станціи. Черезъ нѣсколько времени всѣ „зайцы“, какъ предсказывалъ Галкинъ, запрудили станцію; ихъ допросили, и они сознались, что дѣйствительно ѣхали безъ билетовъ; послѣ нѣкотораго запираательства, сознался и Жигалевъ. Обо всемъ этомъ былъ составленъ протоколъ по всѣмъ правиламъ. Юхановъ и его помощникъ были уволены отъ службы съ волчьими аттестатами и особымъ приказомъ по линіи. Былъ уволенъ и машинистъ за то, что опоздалъ на 5 минутъ.

Эта исторія надѣлала много шуму; о ней толковали много и долго, передавая на всякіе лады. Желѣзнодорожники особенно занимались вопросомъ: какимъ образомъ Галкинъ внезапно очутился въ поѣздѣ? Толкованій было много, и наконецъ, за недостаткомъ болѣе вѣроятнаго предположенія, порѣшили, что онъ находился на линіи и вскочилъ въ поѣздъ на ходу, хотя и такое толкованіе не выдерживало критики даже въ глазахъ самихъ желѣзнодорожниковъ.

Юхановъ, увольняясь, заявилъ начальству, что Галкинъ требовалъ съ него взятку въ 313 рублей, но ему

никто не повѣрилъ. Напротивъ, репутація Галкина, какъ ловкаго, прозорливаго и неподкупнаго контролера, еще болѣе укрѣпилась, и начальство постановило выдать ему приличную награду, для поощренія на будущее время.

